
ТИХАЯ
ПОСТУПЬ
18+

Ник Нил

# Тихая поступь

«Автор»
2026

**Нил Н.**

Тихая поступь / Н. Нил — «Автор», 2026

Я — Лили Морган, и я задыхаюсь в тени своей легендарной матери. Я не хочу быть копией. Я хочу быть собой.Всё меняется, когда на нашем ранчо «Ред-Стон» появляется он. Лукас Штайнер. Сын человека, который когда-то уничтожил мою семью. Враг.Он смотрит на меня с презрением, его руки в мазуте, а на губах играет циничная усмешка. Он — сын немецкого магната, я — «фермерская девчонка». Между нами пропасть. Но когда элитный жеребец начинает слепнуть от боли, именно Лукас становится единственным, кому я могу довериться.Чтобы спасти коня и защитить наш дом от призраков прошлого, нам придется заключить сделку. Но чем дольше мы прячем свои секреты в пыли амбаров Монтаны, тем яснее становится: эта вражда — лишь маска. А под ней скрывается чувство, способное либо исцелить нас, либо уничтожить окончательно.Если вы любите истории, где от ненависти до любви всего один шаг, а за красивой картинкой конкура скрываются настоящие страсти — эта книга для вас.

© Нил Н., 2026
© Автор, 2026

# Содержание

Глава 1. Пролог. Десять лет назад. Пыль и медь 6
Глава 2. Прибытие 8
Глава 3. Атлас 11
Глава 4. Долги и угроза 14
Глава 5. Возвращение в седло 17
Глава 6. Турнир-этап 20
Глава 7. Разлука 23
Глава 8. Правда 26
Глава 9. Финал в Кентукки 29
Глава 10. Ред-Стон 32
Глава 11. Шнурок и яблоко 34
Глава 12. Запах сена и скрип кожи 36
Конец ознакомительного фрагмента. 38

# Тихая поступь

# Глава 1. Пролог. Десять лет назад. Пыль и медь

Десятилетняя Кейт Морган знала, что такое тишина. На ранчо «Ред-Стон» в штате Монтана тишина пахла нагретым кедром, сухой полынью и сладковатым лошадиным потом. Но та тишина в августе пахла медью.

Она сидела на верхней перекладине старого кораля, болтая ногами в стоптанных кедах, и ждала отца. Бронко-райдинг — его коронная дисциплина. Восемь секунд ада на спине брыкающегося зверя, после которых мир всегда взрывался аплодисментами.

Отец вылетел из ворот на гнедом жеребце по кличке Дьяболо. Кейт видела только широкую спину в выцветшей клетчатой рубашке, узловатые руки, вцепившиеся в сыромятную веревку, и пыльный шлейф из-под копыт. Дьяболо взмыл свечой, пытаясь сбросить двуногого хищника. Кейт затаила дыхание, отсчитывая про себя секунды, как учил отец. Раз… позвоночник пружинит… Два… плечи расслаблены…

На пятой секунде что-то щелкнуло. Звук был сухой, как сломанная ветка, но Кейт услышала его даже через рев трибун. Спина отца сложилась неестественным углом. Он не отпустил веревку. Упрямый дурак, он пытался удержаться, хотя его правая нога уже висела плетью, а стремена волочились по земле.

Дьяболо рухнул на бок, подмяв под себя человека.

Арена взвыла. К ней бежали клоуны родео — те, кто должен отвлекать быка, но сейчас они бежали к человеку. Кейт не закричала. Она просто разжала пальцы и упала с трехметровой высоты прямо в пыль.

Она бежала, не чувствуя боли в подвернутой лодыжке. Пробилась сквозь кольцо взрослых, пахнущих пивом и дешевым дезодорантом.

Отец лежал на спине. Его глаза были открыты, но смотрели не на нее, а куда-то сквозь синее небо Монтаны, на пики гор, которые он так любил. Изо рта тянулась тонкая струйка крови, смешанной с пылью.

— Папа? — прошептала Кейт, падая на колени.

Он перевел взгляд на нее. Попытался улыбнуться. Уголок его рта дернулся, сминая усы. Он поднял здоровую руку — ту, что всегда чинила заборы и заплетала ей косы — и коснулся ее щеки. Пальцы были горячими и липкими.

— Держи… ранчо, — просипел он. — Не продавай… Уокерам. Ни пяди…

Его рука упала.

Тишина, которая наступила после, была оглушающей. В ней не было ни ветра, ни стрекота цикад. Только медный запах крови и тяжесть обещания, которое упало на плечи десятилетней девочки.

Она не плакала. Слезы придут позже, через год, когда она впервые попытается сесть на Атласа и поймет, что боится не лошади, а того, что если она привяжется к ней, то и лошадь кто-нибудь заберет. Как забрали отца.

Пикап Джека Райли оставил за собой шлейф гравийной пыли, оседающей на пожухлый шалфей. Он заглушил двигатель, и тишина Монтаны навалилась на него тяжелым ватным одеялом. После четырех лет в шумных пригородах Кентукки, пропитанных запахом антисептиков и озона больничных палат, эта тишина давила на барабанные перепонки.

Джек выбрался из кабины. Спина отозвалась привычным, ноющим протестом на резкий наклон. Он потянулся, разминая поясницу, и тут же замер, услышав щелчок взводимого курка.

— Руки так, чтобы я видела оба твоих пальца, — голос был низким, с хрипотцой долгого молчания и легким, едва уловимым тягучим акцентом Монтаны. — И медленно отойди от машины.

Из-за угла конюшни вышла женщина. На ней были выцветшие джинсы, заляпанные глиной сапоги и поношенная куртка Carhartt, из-под которой виднелась серая футболка. В руках она держала помповое ружье двенадцатого калибра уверенно, как домохозяйка — поварешку. Дуло смотрело Джеку точно в грудь.

Ей было двадцать восемь, как гласило объявление, но тени под глазами и жесткие складки у рта добавляли еще лет пять. Волосы цвета жженой меди собраны в небрежный узел на затылке, из которого выбились пряди.

— Кейт Морган, — сказал Джек, медленно поднимая руки. — Я по объявлению. Конюх. Райли.

— Я знаю, кто ты, — она не опустила ружье. Ее взгляд прошелся по его фигуре — от пыльных ботинок до шеи. Задержался на шраме, выглядывающем из-под ворота фланелевой рубашки. — Джек «Сломанный» Райли. Топ-жокей, пока не навернулся с Эвереста на повороте. Потом таблетки в крови, скандал, отстранение.

— Анализы подделали, — ровно ответил Джек. Он не оправдывался, просто констатировал факт, и это, кажется, разозлило ее еще больше.

— Мне плевать, что там у тебя в крови, Райли. Мне плевать на Кентукки и на твои сломанные крылья. Мне нужен человек, который будет чистить денники, когда температура упадет до минус десяти, и таскать мешки с кормом по пятьдесят фунтов. Мой старый конюх Эрл свалился с грыжей. Ты таскать мешки еще можешь? Или позвоночник годится только для того, чтобы красиво падать?

Джек позволил себе тень улыбки.

— Мешки я таскаю. Позвоночник, кстати, сросся отлично. Документы в бардачке.

Кейт наконец опустила ружье, но на предохранитель не поставила.

— Документы покажешь Эрлу. Он у нас за службу безопасности. А контракт у меня стандартный — три месяца испытательного срока. Жилье — комната над амбаром. Душ общий, в конце коридора. Зарплата — стол, крыша и триста в неделю. Если выживешь.

Она развернулась и пошла к главному дому — приземистому, крытому деревом строению, которое вросло в склон холма.

— Вещи сам занесешь, — бросила она через плечо. — И не вздумай подходить к левому деннику. Там Атлас.

Джек смотрел ей вслед. Походка у нее была тяжелой, как у человека, несущего на плечах невидимый, но очень увесистый груз. Он знал такую походку. Он видел ее в зеркале последние четыре года.

Он подхватил с сиденья рюкзак. Воздух пах сеном, озоном — к вечеру собиралась гроза — и чем-то неуловимо тревожным.

Комната над амбаром оказалась крошечной. Узкая койка, стол, стул и единственное окно, выходящее на левады. Джек бросил рюкзак на пол. Снизу, из конюшни, донеслось тихое, вибрирующее ржание. Звук был глубоким, бархатным, с нотками сдерживаемой мощи. Жеребец звал.

Джек подошел к окну. В сумерках, в дальнем деннике, угадывался силуэт крупной лошади. Она не металась, не била копытами. Она просто стояла, высоко подняв голову, и всматривалась в темнеющие горы.

Джек знал этот взгляд. Так смотрят те, кто потерял дом и отчаянно пытается его найти.

Он потер шрам на шее. Три месяца. Всего три месяца, чтобы понять, зачем он, черт возьми, приехал на это богом забытое ранчо, где хозяйка держит ружье как продолжение собственной руки.

# Глава 2. Прибытие

Утро в Монтане началось не с будильника, а с запаха мокрой земли и озона. Ночью гроза все-таки ударила — короткая, яростная, она смыла с холмов пыль, оставив воздух звенящим.

Джек проснулся от того, что его кровать вибрировала. Не от проезжающего грузовика — ранчо «Ред-Стон» стояло в стороне от дорог. Вибрация шла снизу, ритмичная, глухая. Удары копыт.

Он подошел к окну. Рассвет только подкрасил вершины Скалистых гор в холодный розовый цвет. В леваде, по колено в мокрой траве, кружила Кейт. Под ней был Атлас.

С расстояния в пятьдесят футов Джек видел то, чего не замечал вчера в сумерках. Жеребец был великолепен. Не просто крупный — он был текучим. Темно-гнедая шкура блестела от пота и дождя, мышцы под ней перекатывались не отдельными буграми, а единым, плавным механизмом. Движения были слишком собранными для молодого, застоявшегося коня. Слишком сбалансированными.

Кейт работала его на корде без седла, в одной тонкой водолазке, промокшей насквозь. Она не кричала, не щелкала бичом. Ее команды отдавались едва заметным натяжением веревки и поворотом корпуса. Атлас отвечал идеально: переходил с рыси в галоп по невидимому сигналу, делал безупречные вольты, сгибая шею в крутые, изящные дуги.

Это была не тренировка. Это был диалог. И Джек, который провел в седле половину жизни, чувствовал его кожей даже через стекло.

Дверь за его спиной скрипнула. На пороге стоял старик. Длинный, сухой, как осенний чертополох, в комбинезоне цвета хаки. В руках он держал две кружки с черным кофе. Пахло дешевым табаком и мазью Вишневского.

— Эрл, — представился старик, протягивая одну кружку. — Местный цербер. Она сказала, проверить твои документы.

Джек молча достал из заднего кармана потрепанное портмоне. Права, старая лицензия жокея с выцветшей печатью, медицинская карта с заключением о компрессионном переломе L1-L2.

Эрл нацепил на кончик носа очки с толстыми линзами. Долго изучал лицензию, щурясь.

— «Сломанный» Райли, — хмыкнул он, возвращая документы. — Слышал. В Луисвилле в шестнадцатом. Ты тогда Даймонд Спрайт вел. Красивая была кобыла.

— Была, — коротко ответил Джек, забирая бумаги.

— Спина? — Эрл кивнул на поясницу Джека, где ткань рубашки натянулась от движения.

— Память, — отрезал Джек. Он не любил эти разговоры.

— Кейт велела показать тебе фронт работ, — старик проигнорировал холодность. — Навоз из денников, вода, сено на второй этаж скидать. И главное правило: левый денник — табу. Там Атлас. Она сама его кормит, сама чистит. К нему даже ветеринара подпускает только в намордник и со второго раза.

— Я видел, — Джек кивнул в сторону левады. — Она хорошо его держит.

— Она его убивает, — спокойно сказал Эрл, прихлебывая кофе. — Ты же видишь. Это не выездка. Это балет на минном поле. Девочка слишком его бережет. Жеребец с таким потенциалом должен потеть, а он у нее ходит, как по стеклу. Боится сорвать.

— Или боится, что он сорвет ее, — заметил Джек. Он знал этот тип всадников. Те, кто однажды упал с большой высоты, начинают беречь лошадь, чтобы не бередить собственную травму.

Эрл прищурился, разглядывая Джека уже не как подозрительного незнакомца, а как коллегу.

— Умный, значит. Ладно. Бери вилы. Центральный ряд денников твой. И если увижу, что ты суешь нос к Атласу до того, как она сама разрешит — выкину за ворота вместе с твоим рюкзаком. Она после отца как волчица с единственным щенком.

Джек взял вилы. Металл был холодным и влажным. Работа предстояла тяжелая, и поясница уже начала напоминать о себе тупой, тянущей болью. Но впервые за четыре года эта боль не казалась приговором. Она была просто болью в мышцах.

Он открыл дверь первого денника. Пахнуло теплом, мочой и сладковатым сеном. Внутри стоял пегий мерин, который прижал уши и попытался достать его зубами. Джек увернулся, не меняясь в лице, и сунул вилы в кучу свежего навоза.

Скрипнула дверь дома. Кейт вышла на крыльцо, на ходу затягивая шнурки высоких сапог. Она сменила куртку на старую жилетку из овчины. Солнце наконец пробилось сквозь тучи, и рыжие пряди в ее волосах вспыхнули огнем.

— Райли, — окликнула она. Ее голос разнесся над утренним двором. — После того, как закончишь с навозом, проверь южный забор. Буря повалила секцию. Так возьми мой старый «Додж», ключи на гвозде.

— Понял, — отозвался Джек, не оборачиваясь.

— И если я узнаю, что ты вчера ночью стоял под дверью Атласа… — она сделала паузу, буравя его взглядом.

— Я стоял под дверью кухни, — соврал Джек. — Искал, где наливают кофе.

Кейт хмыкнула. Уголок ее губ едва заметно дернулся вверх — не улыбка, а лишь призрак готовности к ней.

— Кофе в доме. На кухне. Но в следующий раз спрашивай разрешения. Это частная собственность, Райли.

Она развернулась и пошла к конюшне. Джек смотрел, как она идет — прямая, несгибаемая, с той самой тяжелой походкой. Но сейчас, в утреннем свете, она не казалась сломленной. Она казалась выкованной из той же стали, что и горы на горизонте.

Он вонзил вилы в солому. Первый день на «Ред-Стон» пошел своим чередом.

***

Вечером Джек сидел на ступеньках амбара. Мышцы гудели приятной, честной усталостью. Южный забор был починен, сено поднято на сеновал, а уровень воды в поилках проверен. Он сделал все, о чем просили.

Кейт вышла из конюшни. Ведро с овсом в одной руке, уздечка в другой. Она выглядела изможденной — плечи опущены, под глазами залегли густые тени.

Она остановилась у левого денника. Не вошла сразу. Прислонилась лбом к холодному дереву ворот и закрыла глаза. Всего на секунду, но Джек, сидевший в тени, увидел эту крошечную трещину в ее броне.

Затем она встряхнулась, глубоко вздохнула, нацепила на лицо привычную маску суровой хозяйки и шагнула внутрь.

Джек поднялся, разминая затекшие ноги. Подошел к своему деннику, где стоял его временный жилец — ворчливый пегий мерин. Протянул руку. Мерин фыркнул, обнюхал ладонь и ткнулся мягкими губами в кожу, требуя угощения.

Джек не носил в карманах сахара. Но он позволил лошади ткнуться носом в его ладонь, чувствуя тепло бархатных губ.

— Тише, парень, — тихо сказал он. — Я здесь.

В левом деннике Кейт тихо разговаривала с Атласом. Голос у нее был совсем другим — без стали, без командирских ноток. Он был бархатным, обволакивающим.

— Ну-ну, мой хороший, — донеслось до Джека. — Я знаю. Ноги болят. Потерпи, завтра Роза посмотрит. Мы им покажем, малыш. Мы всем им покажем.

Джек замер. «Ноги болят».

Он подошел ближе к перегородке, делая вид, что поправляет попону на своем мерине. Сквозь щель в досках он видел только часть денника. Атлас стоял у кормушки, пока Кейт разбирала его гриву. Жеребец действительно чуть заметно припадал на правую переднюю. Едва уловимый перенос веса, который заметит только тот, кто знает, куда смотреть. Местный ветеринар, о котором говорил Эрл, был либо слеп, либо ленив.

Кейт закончила чистить, накинула на спину коня легкую попону и вышла, заперев засов. Она прошла мимо Джека, даже не взглянув на него.

— Забор держится? — бросила она на ходу.

— Держится, — ответил Джек.

Она кивнула и скрылась в доме.

Джек остался стоять в сгущающихся сумерках. Пегий мерин в деннике тихо хрупал сеном. Пахло пылью, остывающей землей и далеким костром.

Кейт Морган держала ранчо на одном энтузиазме и долгах. Она теряла землю, соседей и, кажется, здоровье своего лучшего жеребца.

А он, Джек Райли, приехал сюда чинить заборы и выгребать навоз, поклявшись никогда больше не садиться в седло.

Он посмотрел на свои руки. Пальцы сами собой сжались, вспоминая вес поводьев.

# Глава 3. Атлас

Ночь накрыла «Ред-Стон» внезапно, как это бывает только в предгорьях. Джек проснулся от тишины. Пегий мерин в соседнем деннике перестал жевать. В конюшне, обычно наполненной сонным перестуком копыт и вздохами, повисло звенящее напряжение.

Джек накинул куртку поверх термобелья. Боль в пояснице на сырой ночной воздух отозвалась сразу, но он давно научился игнорировать ее, как старую мебель в комнате.

Свет в коридоре конюшни не горел, но из-под двери левого денника — денника Атласа — пробивалась тусклая полоска. И доносился звук. Не ржание. Низкий, грудной стон, переходящий в скрежет зубов о дерево кормушки.

Джек подошел бесшумно. Старые половицы амбара знали его шаг и не скрипели. Он приник глазом к щели между досками.

Кейт была там. Она не спала в своей постели наверху. Сидела на перевернутом ведре прямо у ног жеребца, положив голову на его теплую, вздымающуюся грудь. Атлас стоял, тяжело расставив ноги, и не переставая переступал с одной на другую, пытаясь разгрузить правую переднюю. Время от времени он вскидывал голову, и из его горла вырывался тот самый сдавленный звук.

— Знаю, мой хороший, — шептала Кейт, и ее голос в пустой конюшне звучал оглушительно. — Знаю, что горит. Потерпи. Я здесь. Я не дам им тебя забрать.

Она гладила его по шее, но ее руки дрожали. Джек видел, как белеют костяшки пальцев, вцепившихся в густую гриву.

Атлас вдруг резко вскинул голову и ударил копытом в деревянный пол. Глухой, опасный удар. Кейт отпрянула, но не испугалась. Она тут же шагнула обратно, заговорила быстрее, тише, почти запела — старую колыбельную, слова которой тонули в темноте. Жеребец прижал уши, раздул ноздри, но не ударил снова. Он опустил голову, косясь налитым кровью глазом на хозяйку, и шумно выдохнул ей в волосы.

Джек отпрянул от двери, отступая в густую тень между денниками. Сердце колотилось не от страха — от острого, почти болезненного узнавания. Он видел такое раньше. В Кентукки, на самых дорогих конюшнях. Когда лошадь кричит от боли, а всадник сидит у ее ног, потому что в деннике нет места для гордости.

Он вернулся в свою комнату, когда полоска света под дверью Атласа наконец погасла. Сон не шел. Джек лежал на узкой койке, слушая, как за окном воет ветер, и смотрел в темноту.

Утро началось с крика.

— Какого черта, Райли!

Джек скатился с кровати, схватил джинсы. В коридоре конюшни пахло озоном, свежим сеном и яростью. Кейт стояла у денника Атласа, сжимая в руках термометр. Ртутный столбик застыл на отметке 39.2.

— Ты заходил к нему ночью? — она ткнула термометром в его сторону. Лицо бледное, губы сжаты в белую линию.

— Нет, — ровно ответил Джек. Он стоял в дверях, не переступая порог. — Слышал.

— Слышал и не пришел? — ее голос сорвался на хрип. — Он мог выбить себе плечо! Он метался!

— Если бы я вошел, он бы выбил его наверняка, — Джек кивнул на копыто Атласа, которым тот нервно ковырял пол. — Ты сама его успокаивала. Ты сделала все правильно.

Кейт на секунду замерла. Термометр в ее руке дрогнул. Она ждала оправданий, страха, желания угодить новому наемнику. Но Джек просто констатировал факт, и в его спокойствии не было ни капли заискивания.

— У него жар, — она наконец опустила руку. — И он не наступает на правую переднюю. Совсем.

— Потому что у него не просто растяжение, — сказал Джек. Он подошел к двери денника, но остался снаружи. — Кейт, посмотри на его путовый сустав. Видишь отек? Он теплый. Это не удар. Это связки. И, судя по тому, как он переносит вес на зацеп копыта, там трещина в челночной кости. Или начало ламинита от стресса.

Кейт медленно повернулась к нему. В ее глазах, красных от бессонной ночи, плескалось отчаяние, смешанное с зарождающейся надеждой.

— Ты… ты видишь это?

— Я вижу это, — кивнул Джек. — Я видел, как ломаются ноги у Даймонд Спрайт. Она кричала точно так же, только тише.

Он назвал имя той самой кобылы. Кейт сглотнула.

— Местный ветеринар, Роза, будет только к обеду.

— Роза Лопес — хороший практик, но она терапевт, — Джек прислонился плечом к косяку. Боль в спине налилась свинцом, но он держал спину прямо. — Ей нужен ортопед с рентгеном. Но до обеда мы его потеряем, если будем просто смотреть. У тебя есть фенилбутазон? Банамин?

— В шкафу в дежурке.

— Тащи. И ведро с ледяной водой. И английскую соль.

— Ты предлагаешь мне делать ледяной компресс на ноги Атласу? — в голосе Кейт зазвенела привычная сталь. — Он не дастся. Никому не дается.

— Он дастся тебе, — Джек посмотрел ей прямо в глаза. — А я подержу.

Это был риск. Огромный риск. Если Атлас, защищая хозяйку, ударит чужака, Джека может просто пришибить к стене. Но он уже видел, как гаснет свет в глазах Кейт, когда она понимает, что проигрывает битву.

Она смотрела на него долгих пять секунд. Оценивала. Считала шансы.

— Если он тебе ноги переломает, Эрл скормит тебя койотам, — наконец сказала она. — И я ему помогу.

— Договорились.

Они вошли в денник вдвоем. Кейт — к голове, Джек — к плечу, подальше от опасных задних копыт. Атлас прижал было уши, косясь на чужака, но рука Кейт на недоуздке не дрогнула.

— Тише, мой мальчик, — прошептала она, зарываясь лицом в его храп. — Все хорошо. Это свой.

Джек опустился на одно колено. Поясница взорвалась огнем, но он заставил себя поднять ведро. Ледяная вода обожгла руки.

— Держи ровнее, — скомандовал он Кейт, не глядя на нее. — Сейчас будет неприятно.

Он плеснул воду на бабку. Атлас вздрогнул всем телом, попытался отдернуть ногу. Кейт налегла на недоуздок всем весом, шепча ему в ухо бессмысленные, успокаивающие слова.

Джек работал быстро и точно. Он не был ветеринаром, но руки помнили тысячи ночей на конюшнях. Он массировал отек, не касаясь болезненного центра, охлаждал сустав, следя за тем, чтобы не застудить ткани.

— Почему ты не в седле? — вдруг спросила Кейт, не поднимая головы от шеи коня. Ее голос звучал приглушенно.

Джек замер на долю секунды. Лед обжег пальцы, и он едва не выронил ведро.

— Спина, — коротко бросил он, продолжая работу. — Доктора сказали, одно падение — и я сяду в инвалидное кресло.

— Поэтому ты выгребаешь навоз?

— Поэтому я выгребаю навоз, — согласился Джек. — Но копыта от этого понимать не перестал.

Кейт замолчала. Ее пальцы, сжимавшие недоуздок, чуть ослабли. Она доверяла ему спину своего коня. И, кажется, впервые за эти два года кто-то стоял рядом с ней в темноте, не пытаясь ее спасти, а просто делая свою часть грязной, ледяной работы.

В коридоре затопали тяжелые шаги. В дверях денника появился Эрл с аптечкой.

— Я привел Розу, — буркнул старик, глядя на сцену: хозяйка, прижавшаяся к храпу жеребца, и бывший жокей, по локоть в ледяной воде у его ног. — Она уже звонит в Бозмен, ищет рентген.

Кейт выпрямилась. Слезы — первые за эту бесконечную ночь — прочертили две светлые дорожки на ее пыльных щеках, но она этого не замечала.

— Спасибо, — сказала она. Сначала Джеку. Потом Эрлу.

Атлас, почувствовав смену напряжения, опустил голову и ткнулся носом в плечо Джека, выпрашивая оглаживание.

Джек, забыв про лед, про боль в спине и про свои клятвы, медленно протянул руку и почесал жеребца за храпом.

— Тише, парень, — сказал он тихо. — Мы тебя вытащили.

Атлас закрыл глаза.

# Глава 4. Долги и угроза

Роза Лопес приехала через час. С ней — переносной цифровой рентген-аппарат, за аренду которого Кейт пришлось отдать последние триста долларов из кассы ранчо.

Снимки подтвердили худшие опасения Джека. Спиральный перелом челночной кости. Не полный, не катастрофический, но требующий шести месяцев абсолютного покоя в деннике и специальных подков.

— Если он сделает хотя бы шаг рысью в ближайшие полгода, кость расколется окончательно, — Роза снимала перчатки, ее лицо было серым от усталости. — Прости, Кейт. Сезон выездки для него закрыт. Навсегда, если не повезет с заживлением.

Кейт стояла у денника, глядя на спящего после успокоительного Атласа. Она не плакала. Она просто стояла, и жилка на ее шее билась так часто, что, казалось, вот-вот прорвет кожу.

— Шесть месяцев покоя, — повторила она. — А банк требует выплаты через две недели.

Джек, сидевший на перевернутом ведре у стены, поднял голову.

— Сколько?

Кейт посмотрела на него так, словно он спросил, какого цвета небо.

— Девяносто тысяч. До первого ноября. Потом банк забирает «Ред-Стон». Уокеры уже трижды присылали своего юриста. Чарльз-младший вчера прислал цветы с запиской «Соболезную утрате, но бизнес есть бизнес».

Девяносто тысяч. Джек присвистнул. Для ранчо, где навоз до сих пор выгребают вилами, а не трактором, это был смертный приговор.

— Страховка отца? — спросил он.

— Кончилась. Родео-союз выплатил копейки, потому что он был «не в форме» в тот день. Дьяболо, говорят, слишком сильно его взбрыкнул.

— А твой счет?

— Мой счет — это минус две тысячи. И кредитка, которая завтра заблокируется.

Джек встал. Боль в пояснице он проигнорировал, хотя в глазах на секунду потемнело. Он подошел к пробковой доске, висевшей на стене дежурки. На ней кнопками были приколоты графики случек, календарь вакцинации и выцветший рекламный плакат Национального финала по выездке в Кентукки. Призовой фонд за первое место — сто тысяч долларов.

— Ты собиралась ехать на финал с Атласом, — сказал Джек, глядя на плакат. — В легком тренинге.

— Собиралась, — голос Кейт дрогнул. — Теперь он — племенной брак на полгода.

— Нет, — Джек обернулся. В его глазах, обычно тусклых и полных иронии, блеснул холодный, опасный огонь. — Теперь он — твой единственный козырь. У тебя есть жеребец, который делает пиаффе от одного щелчка пальцев. У тебя есть я.

— Ты не садился в седло четыре года, — напомнила Кейт.

— Я не садился. Но тренировала я всегда. И разминку видела. Кейт, у Атласа природный баланс. Если мы успеем подвести его к фризу, не дав ему сделать ни одного лишнего шага… Если ты покажешь судьям его пассаж на длинных поводьях, а пиаффе — на руках, они простят отсутствие галопа. Это выездка, а не троеборье. Нам нужен не галоп, нам нужно золото.

Кейт смотрела на него во все глаза. Впервые за эти две недели кто-то говорил не о выживании, а о победе.

— Это бред, Райли. У нас нет денег на квалификацию. У нас нет тренера.

— Тренер перед тобой, — отрезал Джек. — А на квалификацию…

В кармане его джинсов завибрировал телефон. Джек достал его, посмотрел на экран. Номер был скрыт. Он отошел в угол, отвернувшись к стене.

— Да. Я же сказал, что больше не играю… Это не обсуждается… Мне плевать, сколько они предлагают.

Он говорил тихо, но Кейт, обладающая слухом, привыкшим ловить малейший шорох в деннике, разобрала слова «Лексингтон», «синдикат» и «пятьдесят тысяч авансом».

Джек закончил разговор, убрал телефон. Плечи его были неестественно прямыми.

— Забудь, — бросил он. — Это не по нашей части.

— Кто это был? — спросила Кейт.

— Старая жизнь. Она звонит, когда у меня заканчиваются деньги.

Кейт подошла к нему вплотную. Она была ниже его на полголовы, но сейчас казалось, что она смотрит сверху вниз.

— У тебя они закончились?

Джек долго смотрел на нее. На ее осунувшееся лицо, на грязь под ногтями, на упрямый подбородок.

— У меня их никогда и не было, Морган. Кроме тех, что я зарабатывал, рискуя сломать шею.

— Значит, мы в расчете, — она протянула ему руку. — Сделка. Ты делаешь из нас чемпионов. Я не спрашиваю, откуда у тебя синяки на костяшках и звонки из Лексингтона.

Джек посмотрел на ее ладонь — узкую, мозолистую, пахнущую антисептиком и сеном. Он вложил в нее свою руку.

— Сделка. Но первое правило, Кейт. Никаких секретов на конюшне. Лошади их чуют. И люди тоже.

***

Угроза пришла не от банка. Она пришла в лице Чарльза Уокера-младшего.

Он приехал на следующий день. Черный «Рейндж Ровер» стоимостью в три годовых бюджета «Ред-Стон» прополз по гравию, остановившись прямо перед крыльцом дома.

Чарльз вышел, хлопнув дверью. Идеально скроенный костюм, туфли из кожи, которой никогда не касалась грязь, и улыбка, от которой у Джека свело скулы. Он знал этот тип людей — наследники, играющие в ковбоев на папины деньги.

— Кейт, — Чарльз растянул губы, но глаза остались холодными. — Я слышал, у вас ветеринарные проблемы. Какая жалость. Атлас был нашей последней надеждой на приличную сделку по земле.

— Земля не продается, Чарльз, — Кейт вышла на крыльцо, скрестив руки на груди. Рядом с ней, как тень, встал Джек. Он не надел свою лучшую рубашку — остался в пропотевшей фланели, но стоял так, что Уокер невольно сделал полшага назад. Люди, которые умеют стоять так, обычно ломали чужие колени в темных переулках парковок.

— Брось, — Чарльз поморщился. — Девяносто тысяч, Кейт. У тебя их нет. Папа готов закрыть твой долг прямо сейчас. В обмен на северные пастбища. Те, что с артезианской скважиной.

— Пастбища не продаются, — повторила Кейт.

— Тогда ранчо уйдет с молотка, — Чарльз пожал плечами. — А твой драгоценный Атлас отправится на колбасный завод, потому что банку плевать на его балетные таланты. Кстати, о талантах. — Его взгляд скользнул по фигуре Джека. — Слышал, ты нанял нового конюха. Джек Райли. Какая ирония. Парень, который похоронил карьеру из-за допинга, теперь чистит денники. Уокер-старший очень смеялся.

Джек не двинулся с места. Только его правая рука, опущенная вдоль тела, медленно сжалась в кулак.

— Уезжай, Чарльз, — тихо сказала Кейт. — Пока я не спустила на тебя Эрла. Он как раз чистил ружье.

Чарльз усмехнулся, но в его глазах мелькнул страх. Он не ожидал такого отпора.

— Ты подписываешь себе приговор, детка. Папа настроен серьезно.

Он сел в машину. «Рейндж Ровер» развернулся, обдав крыльцо облаком пыли, и умчался в сторону шоссе.

Кейт стояла, пока звук мотора не исчез. Затем она медленно осела на ступеньки, пряча лицо в ладонях.

— Девяносто тысяч, Джек, — прошептала она. — Девяносто тысяч за две недели.

Джек сел рядом. Он не стал ее утешать. Просто достал из кармана телефон и открыл банковское приложение.

— У меня есть двадцать тысяч, — сказал он. — Сбережения. На черный день. Похоже, он настал.

Кейт подняла голову. Слезы высохли, осталась только звенящая пустота.

— Я не возьму твои деньги.

— Это не подарок, — отрезал Джек. — Это инвестиция. Я вкладываю в твой призовой фонд. Моя доля — тридцать процентов от выигрыша.

— Тридцать процентов от ста тысяч — это тридцать тысяч. Ты хочешь заработать на мне?

— Я хочу вернуть себе хребет, Морган, — он посмотрел на нее в упор. — Тот, который сломал не конь, а люди. Мы либо выигрываем финал и посылаем Уокеров к черту, либо через две недели я пойду собирать навоз на их новенькое поле для гольфа. Выбирай.

Кейт смотрела на него долго. На этого чужого, сломанного человека с руками убийцы и глазами ветеринара.

— Хорошо, — сказала она. — Тридцать процентов. Но если ты меня обманешь, я заберу эти деньги вместе с твоей почкой.

— Договорились, — Джек протянул руку.

Они скрепили сделку рукопожатием над крыльцом «Ред-Стон», под равнодушным небом Монтаны. Впереди у них было две недели, чтобы подготовить жеребца с переломанной ногой к национальному турниру, и враг, который владел их землей по закону.

Джек запрокинул голову. Ветер с гор пах снегом.

— Начнем с того, — сказал он, поднимаясь, — что снимем с Атласа эти чертовы бинты. Он не хромает от перелома. Он хромает, потому что ты боишься сделать ему больно. А лошадь, за которую боятся, никогда не пойдет вперед.

# Глава 5. Возвращение в седло

Снимать бинты с Атласа было все равно что разминировать бомбу. Жеребец, привыкший к тому, что любое прикосновение к его правой передней ноге сулит ледяную воду или укол, прижал уши, едва Джек коснулся путового сустава.

— Тише, — Кейт стояла у головы, зарывшись пальцами в густую гриву. — Он просто боится, Джек.

— Он не боится, — Джек аккуратно разматывал эластичный бинт. — Он тебе не верит. Ты держишь его в вате с того дня, как убили твоего отца. Ты трясешься над каждым его шагом, Кейт. А лошадь такого класса чует страх всадника быстрее, чем овод чует кровь.

Последний виток упал в солому. Челночная кость была надежно упакована в специальную ортопедическую подкову с силиконовой вставкой, но сам сустав выглядел беззащитно.

— Выводи его, — скомандовал Джек.

— В леваду? Он же наступит…

— В манеж, — отрезал Джек. — Выводи.

Кейт подчинилась. Она вывела Атласа в крытый манеж, где пахло пылью и старым деревом. Джек уже ждал их с шамбарьером — длинным бичом для работы на корде.

— Сегодня ты не будешь его гладить, — сказал Джек, когда Кейт встала в центр круга. — Сегодня ты будешь его работать.

— Он не может...

— Он не хочет, потому что ты ему не позволяешь, — Джек щелкнул шамбарьером. Звук был резким, как выстрел. — Атлас! Рысь!

Жеребец вздрогнул, прижал уши, но голос Кейт, подхваченный привычной командой, заставил его тронуться с места. Он пошел размашистой рысью. На прямой он почти не хромал, но как только заходил на вольт, где нагрузка на внутреннюю ногу возрастала, начинал пригибаться, припадая на плечо.

— Видишь? — Джек стоял неподвижно, только кисть руки делала плавные круги. — Он бережет ногу не от боли. Он бережет ее от ответственности. Ты сняла с него работу, когда умер твой отец. Ты сделала его инвалидом своей любовью.

Кейт стояла в центре, сжимая повод. Ее плечи дрожали.

— Прекрати.

— Галоп! — крикнул Джек.

— Джек, нет! — Кейт дернула повод на себя.

Атлас, получив два противоположных сигнала — команду от шамбарьера и запрет от хозяйки — запаниковал. Он взвился на дыбы, замолотил воздух передними ногами.

Кейт всем весом повисла на поводе, пытаясь удержать сто двадцать фунтов обезумевших мышц.

— Джек!

— Отпусти его! — рявкнул Райли. — Отпусти повод, или он сломает себе шею!

Кейт разжала пальцы. Повод скользнул сквозь трензель. Атлас тяжело рухнул на четыре ноги, захрапел и пошел боком, пытаясь сбежать от страшного длинного хлыста.

— Теперь он настоящий, — тихо сказал Джек. — Смотри.

Он перевел жеребца в галоп. Атлас летел по кругу, вытянув шею. На вольтах он все еще щадил правую сторону, но на прямой, чувствуя за спиной только воздух и голос, он забыл про свою ногу. Он забыл про Кейт. Он просто бежал.

— Вот что мы повезем в Кентукки, — Джек опустил шамбарьер. — Свободу. А теперь иди сюда.

Кейт подошла, не сводя глаз с раздувающихся ноздрей коня.

— Зачем ты это сделал?

— Чтобы ты поняла, — Джек взял ее за локоть. Его пальцы были горячими. — Он не хрустальный. И ты тоже.

Он подвел ее к центру манежа.

— Садись.

— Что?

— Садись на него, Кейт. Прямо сейчас. Без седла.

— Я не могу. После отца… после того, как Дьяболо его убил… я не могу доверять вес своего тела.

— Я знаю, — Джек подошел вплотную. Он возвышался над ней, заслоняя собой свет ламп в манеже. — Поэтому сяду я.

Кейт отшатнулась.

— Ты сошел с ума. Твоя спина…

— Моя спина сломается окончательно, если я буду и дальше выгребать вилами дерьмо, делая вид, что это и есть жизнь, — он снял фланелевую рубашку, оставшись в одной майке. На его пояснице, чуть левее позвоночника, багровел страшный, неровный шрам — след от копыта. Рядом — два глубоких полумесяца от хирургических зажимов. — Страх живет в теле, Кейт. Его нужно выжечь.

Он взял из угла седло. Не спортивное, выездковое, с глубоким седалищем. А старое, рабочее, Western-style, с высокой лукой.

— Это седло твоего отца, — тихо сказала Кейт.

— Я знаю, — Джек проверил подпругу. — Он не обидится.

Атлас стоял смирно, косясь на манипуляции. Джек подошел к нему. Одним плавным, текучим движением, которое никак не вязалось с его хромотой на земле, он оттолкнулся от земли и оказался в седле.

Кейт услышала его выдох. Резкий, сдавленный. Джек сидел неподвижно, вцепившись в луку седла так, что побелели костяшки. По его шее, вискам и спине градом катился пот. Он сидел в седле впервые за четыре года, и каждый нерв его тела кричал от паники.

— Джек… — прошептала Кейт.

— Тихо, — его голос был хриплым. — Подойди к его голове.

Она подошла. Атлас раздул ноздри, учуяв адреналин чужака, но рука Кейт на недоуздке была якорем.

— Положи руку мне на колено, — приказал Джек.

— Зачем?

— Делай.

Кейт послушалась. Ее ладонь легла на грубую ткань его джинсов. Она почувствовала, как дрожит его мышца.

— А теперь, — Джек медленно, миллиметр за миллиметром, разжал пальцы, отпуская луку седла. Он выпрямил спину. Боль была адской, но он не издал ни звука. — Пошли.

Он тронул Атласа коленями. Жеребец шагнул.

Кейт стояла в центре манежа, держа руку на ноге Джека. Она чувствовала не только его дрожь. Она чувствовала, как под ней, передаваясь через седло и мышцы коня, зарождается ритм. Уверенный, мощный, спокойный.

Атлас не знал, что всадник умирает от ужаса. Атлас знал только команды.

Они сделали круг. Второй. Джек сидел все ровнее. Его позвоночник нашел центр тяжести. Шрам на пояснице, должно быть, горел огнем, но его посадка была безупречной — той самой классической, глубокой посадкой топ-жокея, которая сливается с лошадью в единое целое.

— Отпусти, — сказал Джек, не глядя на нее.

Кейт убрала руку.

В манеже повисла тишина, нарушаемая только мягким стуком копыт по песку. Джек Райли ехал на Атласе. Он не делал сложных элементов. Просто шаг, рысь, плавный галоп. Но это было возвращение короля.

Он остановил коня прямо перед Кейт. Спешился. Ноги его не держали. Он тяжело оперся о шею Атласа, хватая ртом воздух. По вискам текли струйки пота, смешанного с пылью.

— Четыре года, — выдохнул он. — Я думал, что умру в первый же круг.

Кейт стояла перед ним. Между ними было всего два фута пыльного песка. Она смотрела на его мокрую майку, на дрожащие руки, на лицо, лишенное привычной ироничной маски. Сейчас он был полностью обнажен перед ней — не телом, а той черной, пульсирующей паникой, которую прятал за сарказмом.

Она сделала шаг.

Кейт Морган, которая не позволяла никому подходить к себе ближе чем на расстояние вытянутой руки, подошла вплотную. Положила ладони на его раскаленную, влажную грудь.

— Ты не умер, — сказала она.

Джек поднял на нее глаза. Зрачки расширены, радужки почти не видно. Он медленно, все еще опираясь на коня, наклонился.

Их первый поцелуй не был нежным. В нем не было ни романтики, ни робости. В нем была соль пота, привкус пыли и отчаянный голод двух людей, которые слишком долго балансировали на краю пропасти в одиночку. Он впился в ее губы, сминая их, притягивая к себе за затылок. Кейт ответила с той же яростью, вцепившись в его плечи, чувствуя, как под ее пальцами бешено колотится его сердце, пытаясь пробить ребра.

Атлас тихо фыркнул, переступив с ноги на ногу, и ткнулся мягким храпом им в щеки, разрушая момент.

Они отпрянули друг от друга. Кейт тяжело дышала, глядя на свои руки, все еще горящие от прикосновения к его коже. Джек отвернулся, делая вид, что поправляет седло, пряча лицо.

— Завтра в пять утра, — хрипло сказал он, не глядя на нее. — Начинаем работать над менкой ног. И над тем, чтобы ты снова научилась дышать в седле.

— В пять, — эхом отозвалась Кейт.

Она вышла из манежа, чувствуя, как дрожат колени. На губах остался вкус его паники и ее собственного освобождения.

Угроза Уокеров, долг в девяносто тысяч, хромой жеребец — все это отошло на второй план. Впервые за два года Кейт Морган почувствовала, что у «Ред-Стон» появился хребет. И этот хребет сейчас, морщась от боли, вешал седло на крюк в конюшне.

# Глава 6. Турнир-этап

До квалификационного старта в Колорадо оставалось три недели.

«Ред-Стон» превратился в военный лагерь. Джек перестроил график жизни ранчо под циркадные ритмы выездки. Подъем в 4:30 утра. Работа Атласа на корде — глубокая, расслабленная, без малейшего намека на хромоту, которая почти исчезла благодаря покою и правильному тренингу. Затем — завтрак. Затем — Кейт в седле.

Джек был безжалостен.

— Ты сидишь, как мешок с картошкой, — рычал он через бортик манежа, пока Кейт пыталась собрать Атласа в пиаффе. — Расслабь поясницу! Ты тянешь его вниз своими плечами. Он не может взлететь, если ты держишь его за горло поводом и за яйца шенкелем!

Кейт закусывала губу до крови, но подчинялась. Она заново училась дышать. Джек заставлял ее ехать без стремян, без повода, с закрытыми глазами, заставляя тело слушать лошадь, а не свой страх.

Атлас расцветал. Под опытными руками Джека, который работал с ним на земле, жеребец вспомнил свою кровь. Он снова стал тем самым «летящим» конем, но теперь в его движениях появилась взрослая, сдержанная мощь.

Проблема пришла оттуда, откуда не ждали.

За неделю до отъезда в Колорадо Джек спустился к завтраку с лицом цвета мела.

— Проверь почту, — бросил он Кейт, наливая себе черный кофе.

Кейт открыла ноутбук. На экране светилось уведомление от Федерации конного спорта США.

— Список допущенных пар, — прочитала она. — Кейт Морган и Атлас… допущены. Джек, мы в списке!

— Листай ниже, — глухо сказал он.

Раздел «Спортивная медицина. Сводка нарушений».

Заголовок статьи гласил: «Тень над "Ред-Стон": конюх Кейт Морган — дисквалифицированный жокей Джек Райли».

Статья была написана профессионально. Сухой язык фактов, бьющий наотмашь. Имя Джека, его победы в Кентукки-Дерби, травма. И дальше — сухой остаток скандала: положительный тест на фентанил и диуретики у лошади, которую он вел. Подробности вскрытой капельницы. Вердикт FEI — пожизненная дисквалификация. И приписка: «По неподтвержденным данным, мистер Райли в настоящее время скрывается от прессы в Монтане, работая на хозяйстве, чьи финансы находятся под расследованием налоговой службы».

— Кто-то слил это прессе, — Кейт отодвинула ноутбук. Ее руки похолодели. — Чарльз Уокер.

— Нет, — Джек покачал головой. — Чарльз — дешевка. Он бы написал в местную газету. Это заказ федерального уровня. Кто-то копнул архивы FEI.

— Нас снимут с соревнований, — прошептала Кейт. — Как только мы переступим порог манежа в Боулдере, судья-инспектор увидит это.

— Мы поедем, — Джек встал. — Собирай вещи. Выезжаем через час.

— Джек, это самоубийство!

— Это единственный способ заставить Уокеров отступить, — он посмотрел на нее сверху вниз. — Если мы выиграем квалификацию, они не смогут забрать ранчо за долги. Никто не отбирает землю у национальных чемпионов. Едем.

***

Боулдер встретил их запахом смога, мокрого асфальта и чужого, богатого навоза. Конный комплекс «Эквус-Пойнт» сиял стеклом и хромом. Рядом с их старым «Доджем» стояли трейлеры стоимостью в сто тысяч долларов.

Кейт чувствовала себя самозванкой. Ее куртка была штопана на локтях, а на Атласе — старое, потертое седло.

Они начали разминку. Атлас был великолепен. Он собирал себя в пассаж с полужеста, его менка ног была легкой, как взмах крыльев бабочки. Кейт наконец расслабилась в седле, доверившись рукам Джека, которые стояли у бортика, беззвучно считая ритм.

Они подъехали к стартовой линии.

— Помни, — голос Джека в наушнике звучал тихо, перекрывая музыку, льющуюся из динамиков. — Дыши. Ты — хозяйка «Ред-Стон». Ты здесь не милостыню просить. Ты здесь, чтобы забрать свое.

Кейт кивнула. Приветствие судьям. Салют.

Начала с вольтов. Атлас шел идеально. Зал затих. Люди отрывались от своих программок, глядя на темную лошадь, которая двигалась с грацией пумы. Кейт вошла в серию приниманий. Корпус Атласа был изогнут дугой, ноги перекрещивались с ювелирной точностью.

Они дошли до менки ног в темп.

Один. Два. Три. Четыре. Пять. Шесть. Семь. Восемь. Девять. Десять.

Чистая, звонкая, ритмичная серия. Зал взорвался аплодисментами.

Кейт улыбалась. Впервые за два года она улыбалась в седле по-настоящему. Они были лучшими.

И в этот момент, на переходе к пиаффе, Атлас споткнулся.

Это не было падением. Просто запинка. Жеребец на секунду потерял равновесие, тяжело осел на зад, срывая элемент. Кейт чудом удержала посадку, но ритм был убит.

— Что это было? — выдохнула она в микрофон.

— Работай дальше, — жестко отрезал Джек. — Вытаскивай его.

Кейт выдернула Атласа в галоп, закончила программу на высокой ноте, но осадок остался. Оценки вывели на табло. 68.2%. Проходной балл, но далеко от лидерства. В десятку они попадали чудом.

— Он не споткнулся, — сказал Джек, когда они спешились в тени трейлера. Он проверял копыта Атласа. — Он заснул. На секунду. Как будто кто-то выключил рубильник в его голове.

— Он устал, мы гнали график…

— Кейт, — Джек поднял на нее глаза. Его лицо было серым. — Это не усталость. Это химия.

Внезапно со стороны трибун раздался визг тормозов. К ним шли двое мужчин в строгих костюмах. За ними, лениво помахивая ключами от машины, брел Чарльз Уокер-младший.

— Мисс Морган, — один из мужчин, седой и сухой, показал значок. — Специальная комиссия FEI по этике. Пройдемте.

— В чем дело? — Кейт загородила собой Атласа.

— В вашем персонале, — седой кивнул на Джека. — Мистер Райли. Согласно правилам, персонал, имеющий пожизненную дисквалификацию за допинг, не имеет права находиться в паддоке во время соревнований.

— Он мой конюх! Он не трогает лошадь!

— Он отдавал вам команды по связи во время теста, — парировал чиновник. — Это прямое нарушение. Мистер Райли, вы задержаны до выяснения обстоятельств. Результаты выступления вашей пары будут аннулированы в случае подтверждения соучастия.

Чарльз Уокер подошел к Атласу. Провел рукой по шее жеребца.

— Какая жалость, — пропел он. — Такой талантливый конь. И такая некомпетентная команда. Джек, я же говорил, что мир выездки тесен. Твое прошлое догнало тебя.

Джек не смотрел на Уокера. Он смотрел на Кейт.

— Иди к нему, — одними губами сказал он. — Я разберусь.

— Вы идете, мистер Райли? — седой инспектор кивнул в сторону офиса.

Джек отдал повод Кейт.

— Не давай им колоть его, — сказал он ей. — Что бы они ни говорили. Не давай.

Его увели.

Кейт осталась стоять посреди чужого, враждебного паддока. Атлас ткнулся ей в плечо, ища привычной поддержки. Но Кейт смотрела на свои руки. На пальцах до сих пор остался запах кожи Джека.

В кармане завибрировал телефон. Сообщение от неизвестного номера.

«Твой жеребец получил успокоительное через воду. Бутылка в твоем трейлере, синий маркер. Уокер не при чем. Он просто вовремя позвонил в FEI. У тебя крыса на ранчо».

Кейт подняла голову. Она посмотрела в сторону офиса, куда увели Джека. Затем на Атласа. Затем на свой трейлер.

Она поняла, что война только началась. И враг сидел у нее дома.

# Глава 7. Разлука

Офис стюардов пах дешевым кофе, казенным пластиком и поражением. Кейт сидела на жестком стуле, сжимая в руках повод Атласа. Жеребец стоял за дверью, привязанный к кольцу, и его уши нервно подрагивали от каждого звука в коридоре.

— Мисс Морган, — седой инспектор захлопнул папку с делом Джека. — Мы конфисковали его средства связи. Анализ воды из вашей поилки подтвердил наличие фенобарбитала в минимальной, но достаточной для расслабления мышц дозе. Это не случайность. Кто-то подсыпал его в бутыль.

— Это не Джек, — голос Кейт был хриплым. — Он четыре года не садился в седло. Он приехал сюда чинить заборы.

— Мы верим вам, — кивнул инспектор. — Но правила FEI неумолимы. Мистер Райли дисквалифицирован пожизненно. Его присутствие на боевом поле — нарушение. Мы обязаны аннулировать ваши 68.2%.

— Аннулируйте, — Кейт встала. — Но Джек Райли остается моим конюхом.

— В таком случае, вы не будете допущены к финалу.

Кейт посмотрела на чиновника. В ее глазах не было слез. Там была холодная, выжженная дотла пустота.

— Понятно.

Она вышла из офиса. Солнце в Колорадо било по глазам безжалостно. Атлас фыркнул, увидев ее. Кейт отстегнула повод, завела его в трейлер. Руки двигались сами, механически.

Она нашла Джека за трейлером Уокеров. Он сидел на корточках, привалившись спиной к горячему металлу. Кто-то уже успел разбить ему губу.

— Тебя не посадят, — сказала Кейт, останавливаясь в тени. — Но нас вычеркнули.

— Я знаю, — он поднял голову. На его скуле наливался багровый синяк. — Я слышал.

— В моем трейлере нашли бутылку с успокоительным. Синий маркер.

Джек медленно поднялся. Его позвоночник хрустнул.

— Синий маркер, — повторил он. — У тебя на ранчо три бутылки с синим маркером. Для копыт, для морды и для поилки. Где они хранятся?

— В дежурке. На нижней полке. Доступ есть у всех.

— У всех, — эхом отозвался Джек. — Включая Така. Включая Эрла. Включая ту девчонку, которую Уокеры подослали «помогать» месяц назад. Как ее? Линдси.

— Линдси? — Кейт нахмурилась. — Она же просто убирает денники.

— Она убирает денники уже месяц, Кейт. До этого она работала на конюшне Чарльза-старшего в Вайоминге. Она внедрилась задолго до того, как я приехал. Я был просто идеальным громоотводом.

Кейт прислонилась к трейлеру. Земля уходила из-под ног.

— Значит, это не из-за тебя.

— Это из-за земли, — Джек подошел вплотную. От него пахло пылью, злостью и антисептиком. — Им не нужен был скандал с допингом. Им нужно было, чтобы ты сорвала квалификацию. Чтобы банк имел законное право забрать «Ред-Стон» за долги в понедельник.

— В понедельник, — прошептала Кейт. — У нас два дня.

— У нас ничего нет, — Джек взял ее лицо в свои ладони. Его пальцы были жесткими, а хватка — отчаянной. — Кейт, послушай меня. Ты должна выгнать меня.

— Что?

— Прямо сейчас. Устрой скандал. Скажи, что я шантажировал тебя, что я подсыпал наркотики. Выгнав меня, ты снимешь с себя подозрения FEI. Они оставят тебе результат — те самые 68.2%. Это лучше, чем ноль.

— Я не отдам тебя им, — она вцепилась в его куртку.

— Ты не поняла, — он встряхнул ее. — Я не спасаю свою шкуру. Я спасаю твое ранчо. Если я останусь, Уокеры будут давить на то, что ты укрываешь преступника. Тебя лишат лицензии. Если я уйду — ты жертва. Жертву жалеют. Жертве дают отсрочку по кредиту. Кейт, ради «Ред-Стон»…

Он не договорил. Кейт смотрела в его глаза — темные, больные, полные вины за то, в чем он не был виноват.

— Убирайся, — сказала она.

Джек замер.

— Что?

— Ты меня слышал, Райли. Ты уволен. За саботаж. Я вызову полицию.

Она оттолкнула его. Это был самый страшный удар в его жизни — не кулак Уокера, а предательство женщины, которая три недели назад держала его за руку, пока он заново учился дышать в седле.

Лицо Джека окаменело. Он молча кивнул. Развернулся и пошел к своему пикапу.

— Джек! — крикнула она ему в спину.

Он обернулся.

— Если ты сядешь в эту машину, — голос Кейт звенел от сдерживаемых рыданий, — и уедешь, не возвращайся. Никогда.

— Я не вернусь, — сказал он.

Он сел в пикап. Двигатель завелся с утробным рыком. Пыль из-под колес ударила Кейт в лицо. Она не двинулась с места, пока красные огни не скрылись за поворотом шоссе.

Только тогда она позволила себе сползти по борту трейлера прямо в грязный песок. Атлас опустил голову и тихо, жалобно заржал ей в волосы.

***

Обратная дорога в Монтану была самой долгой в жизни Кейт.

Она вела трейлер сама. Атлас стоял в темноте, перебирая ногами от нервов. Кейт держала одну руку на руле, другую — на его морде, просунутую в окно вентилятора.

— Все будет хорошо, — шептала она. — Мы справимся. Мы им покажем.

Но она знала, что лжет. Без Джека она была слепа. Она не видела ни темпов, ни углов. Она была просто испуганной девочкой на большой лошади.

Они вернулись на «Ред-Стон» под утро. Горы были черными на фоне серого неба.

Кейт завела Атласа в денник. Жеребец был покрыт дорожной пылью. Она механически взяла щетку.

В дежурке горел свет.

За столом сидел Так. Младший брат Кейт. Майор Морган, 101-я воздушно-десантная дивизия. Он был в отпуске, но сейчас выглядел так, будто только что вернулся из Ростова. На столе перед ним лежал разобранный планшет, пустая бутылка из-под воды с синим маркером и шприц.

— Я перехватил его на выезде из штата, — сказал Так, не поднимая глаз от планшета. — Райли. Он пытался уехать в Канаду.

— Ты его задержал? — сердце Кейт пропустило удар.

— Нет, — Так наконец посмотрел на сестру. Его взгляд был тяжелым, как бронеплита. — Я его отпустил. Я дал ему денег. И я стер записи с камер наблюдения на «Эквус-Пойнт».

— Так, он…

— Он не трогал воду, Кейт, — Так ткнул пальцем в планшет. — Я взломал почту Линдси. Смотри.

Он развернул экран. Фотография. Ночь. Линдси в перчатках переливает жидкость из темного флакона в бутылку Кейт. Рядом стоит Чарльз Уокер-младший. Он обнимает ее за талию.

— Они любовники, — продолжил Так. — Это была подстава. Но Джек не стал дожидаться, пока я это докажу. Он взял вину на себя, чтобы вывести тебя из-под удара федералов.

Кейт смотрела на фото, потом на свои руки.

— Я его выгнала, Так. Я сказала, чтобы он не возвращался.

Так долго молчал. Смотрел на сестру — на ее грязную куртку, на дрожащие губы, на руки, которые все еще сжимали конюшенную щетку.

— Значит, ты поедешь и заберешь свои слова обратно, — сказал он. — Потому что через два дня финал в Кентукки, Кейт. А без него ты не то что менку ног, шаг нормально сделать не сможешь.

— Он не сядет в седло, — прошептала Кейт. — Его спина…

— Его спина выдержит восемь минут, — отрезал Так. — А ты выдержишь правду. Собирайся. Мы едем в Бозмен. Он наверняка залег на дно у Розы.

Кейт посмотрела на брата. Впервые за много лет она почувствовала себя не одинокой.

— Я убью его, если он сел за руль в таком состоянии, — сказала она, бросая щетку.

— Если он сел за руль, я убью его первым, — Так встал, проверяя пистолет в кобуре. — Поехали, старшая. Нам нужно вернуть нашего конюха.

# Глава 8. Правда

Они нашли его на заброшенной насосной станции в десяти милях от ранчо. Старый «Додж» стоял, уткнувшись капотом в заросли полыни. Двигатель остыл — значит, Джек сидел здесь всю ночь.

Кейт выпрыгнула из «Рейндж Ровера» Така, не дожидаясь, пока брат заглушит мотор.

Дверь насосной была приоткрыта. Внутри пахло ржавчиной, машинным маслом и застарелым отчаянием. Джек сидел на бетонном полу, прислонившись спиной к холодной трубе. Между пальцами правой руки дымилась забытая сигарета.

— Вставай, — голос Кейт ударил по нервам.

Джек медленно поднял голову. Его глаза были красными, как у кролика, а на скуле к синяку от Уокера добавилась свежая ссадина.

— Я же сказал, Морган. Контракт расторгнут.

— Ты солгал мне, — она подошла вплотную, заслоняя собой тусклый свет. — Ты сказал, что подсыпал наркотики.

— Я взял вину на себя. Это не ложь, это логистика, — он попытался усмехнуться, но вышло жалко. — Теперь ты чиста перед FEI. Можешь ехать на финал с любым жокеем.

— С любым? — Кейт присела перед ним на корточки, вырывая сигарету из его пальцев и затушив ее о бетон. — Джек, посмотри на меня.

Он посмотрел. И Кейт увидела то, чего не замечала раньше за его вечной броней иронии. Глубокую, зияющую дыру в груди, где когда-то была вера в людей.

— Так показал мне фото, — тихо сказала она. — Линдси и Чарльз. Бутылку подменила она. Ты не виноват.

Джек долго молчал. Гудение старых труб станции казалось оглушительным. Он медленно, с видимым усилием, провел ладонью по лицу.

— Я должен был догадаться, — хрипло сказал он. — Запах. Фенобарбитал пахнет миндалем. В твоей дежурке всегда пахло только старым сеном и дегтем. Я должен был проверить бутыль перед тем, как ты налила ее в поилку.

— Ты не можешь охранять каждую молекулу на ранчо, — Кейт взяла его тяжелую, ледяную руку. — Ты не виноват.

— Виноват, — он сжал ее пальцы. — Я виноват в том, что позволил тебе меня выгнать. Я видел, как тебе больно, Кейт. И я ушел, потому что так было проще. Для меня. Я устал быть обузой.

Слово «обуза» повисло в воздухе. Кейт вспомнила его в седле три дня назад — выпрямленный позвоночник, стиснутые зубы, пот, градом катящийся по вискам. Он умирал от боли каждую секунду, чтобы доказать ей, что она может снова дышать.

— Ты никогда не будешь обузой, — она встала и протянула ему руку. — Особенно когда у тебя такой ужасный характер. Вставай. Уокеры ждут, что мы перегрызем друг другу глотки. Не доставим им такого удовольствия.

Джек вложил свою ладонь в ее. Его рука дрожала.

В этот момент в дверном проеме показался Так.

— У нас гости, — бросил он. — Черный «Рейндж Ровер». Идет на скорости.

— Линдси, — Джек мгновенно подобрался. Вся его апатия слетела, осталась только холодная, хищная собранность. — Она едет зачищать следы.

— В трейлере есть камера, — сказал Так. — Старая, на батарейках. Я поставил ее на прошлой неделе, когда понял, что крыса — это Линдси. Она в деннике Атласа. Снимала, как берет седло.

— Она не успеет, — Джек шагнул к выходу. — Кейт, ключи от «Доджа».

— Нет, — Кейт встала у него на пути. — Ты никуда не пойдешь. Твоя спина…

— Кейт, — он посмотрел на нее сверху вниз. В его глазах больше не было страха. Только холодная ярость. — Она едет не за камерой. Она едет, чтобы выпустить Атласа в прерии. Или подрезать ему сухожилия. У тебя есть дробовик, Так?

— Двенадцатый калибр, — кивнул брат.

— Дай мне ружье, — приказал Джек.

Так протянул ему помповое ружье. Джек передернул затвор. Звякнула гильза.

Черный «Рейндж Ровер» вылетел из-за поворота, взметая тучи пыли. Он не стал тормозить у станции, а пошел прямо на старый «Додж», явно намереваясь протаранить его и заблокировать выезд.

— Уокер-младший, — процедил Так. — Совсем страх потерял.

Джек вышел под палящее солнце. Он не хромал. Адреналин и ярость сделали то, чего не могли сделать врачи — выключили боль. Он двигался как сжатая пружина.

«Рейндж Ровер» затормозил в десяти футах. Из пассажирской двери выскочила Линдси. В руках у нее был шприц и длинный нож.

— Отойди от машины, Райли, — крикнула она. — Это не твое дело!

— Твое дело закончилось, когда ты тронула мою лошадь, — голос Джека был лишен всяких эмоций.

Чарльз выскочил с водительского места. В руке у него блестел пистолет.

— Ты действительно думаешь, что эта старая помойка стоит тюрьмы, Джек? Отойди. Мы просто заберем флешку.

Кейт и Так вышли из станции, занимая позиции по бокам. У Така тоже было ружье.

Ситуация повисла на волоске. Четыре человека, оружие, раскаленный воздух.

И тут над их головами раздался гром.

Сначала Кейт подумала, что это выстрел. Но небо на западе, со стороны гор, стало стремительно чернеть.

— О, нет, — выдохнула Роза Лопес, которая незаметно подъехала следом на своем старом пикапе. — Вы, идиоты, решили устроить перестрелку в прерии?

С первыми тяжелыми каплями дождя стадо, пасущееся в дальнем загоне, занервничало. А потом кто-то из молодых быков сорвался.

Паника распространяется быстрее степного пожара. Стадо — в две сотни голов — ломанулось прочь от запаха пороха и криков. Прямо на насосную станцию.

— Скот! — заорал Так. — Они разнесут насос!

Чарльз на секунду отвлекся, глядя на несущуюся на него живую лавину. Линдси тоже обернулась.

Этого хватило.

Джек не стал стрелять. Он просто шагнул вперед и ударил Чарльза прикладом ружья в солнечное сплетение. Тот сложился пополам, роняя пистолет в пыль. Джек подхватил оружие, развернулся и прострелил заднее колесо «Рейндж Ровера».

— В машину! — рявкнул он. — Кейт, Так, в мой пикап! Роза, гони стадо в обход!

Начался хаос. Ливень обрушился стеной, мгновенно промочив всех до нитки. Грязь превратила землю в болото.

Кейт, Так и Джек забились в старый «Додж».

— Ты идиот! — крикнула Кейт, пытаясь перекрыть шум дождя и рев скота. — Твоя спина!

— Заткнись и держи руль! — Джек одной рукой держал ружье, другой вцепился в ручку над дверью, пока Так пытался развернуть машину в потоках воды.

Пикап занесло. Джек ударился больной поясницей о дверную ручку, но не издал ни звука. Он смотрел на лобовое стекло, по которому дворники едва успевали смахивать воду.

— Я не вернусь на «Ред-Стон», — вдруг сказал он, перекрывая рев бури. — Если мы выживем сегодня.

Кейт резко повернулась к нему.

— Что?

— Я сорвался, Кейт, — он смотрел на свои руки. — Когда ты меня выгнала… я поехал не в Канаду. Я поехал к дилеру. В Бозмене. У меня в куртке, в подкладке, зашито на тридцать тысяч. Я собирался купить дозу. Чтобы просто не чувствовать, как ломается хребет.

Кейт смотрела на него, и ее сердце, казалось, остановилось.

— Ты…

— Стадо спасло меня, — он кивнул на ревущую за окном живую стену. — И ты. Не дай мне сорваться снова.

Он наклонился и поцеловал ее. Это был не тот отчаянный поцелуй в манеже. Это был поцелуй человека, который только что признался в желании умереть и передумал. Вкус у него был дождя, ржавчины и абсолютного, оглушительного доверия.

Ливень бушевал всю ночь. Они вместе с Розой и Эрлом, которого вызвал Так, собирали стадо до рассвета. Промокшие, грязные, дрожащие от холода.

Когда взошло солнце, «Ред-Стон» напоминал поле боя. Но насосная станция стояла. Пикап Джека был цел. А Линдси и Чарльз, забравшие свой разбитый «Рейндж Ровер», исчезли.

Кейт и Джек сидели на ступеньках амбара. Между ними лежала флешка из камеры.

— У нас есть доказательства, — сказала Кейт. — Мы можем подать в суд.

— Мы не будем подавать в суд, — Джек устало потер лицо. — Мы поедем в Кентукки.

— Джек, твоя спина… — она коснулась его поясницы. Он зашипел сквозь зубы. — Ты едва ходишь.

— Я сяду в седло, — он поймал ее руку. — Не в качестве конюха, Кейт. В качестве берейтора. Я не буду прыгать. Я просто посажу тебя. И мы поедем.

Кейт посмотрела на его измученное лицо, на следы от наручников на запястьях (Так все-таки надел их на Линдси, прежде чем отпустить), на грязь, въевшуюся под ногти.

— Мы поедем, — согласилась она. — Но после финала ты ляжешь в больницу. На месяц.

— Договорились, — он слабо улыбнулся. — Только в твою больницу.

Впереди был Национальный финал. Но впервые за долгие годы Кейт Морган засыпала не от усталости, а от чувства абсолютной, пугающей безопасности. Хребет «Ред-Стон» снова был на месте.

# Глава 9. Финал в Кентукки

Лексингтон пахнет иначе, чем Монтана. Здесь воздух густой, влажный, пропитанный запахом вековых дубов, голубого дерна и огромных денег. Конный парк Кентукки сиял огнями, как космический корабль, приземлившийся посреди пастбищ.

«Ред-Стон» привезли сюда в трейлере, который Кейт арендовала на последние деньги из тех двадцати тысяч, что вложил Джек. Старую машину оставили дома. Рядом с ними, в соседних боксах, стояли трейлеры с немецкими и голландскими флагами. Стоимость лошадей, ждавших старта, исчислялась миллионами.

Атлас нервничал. Он перебирал ногами, косил темным глазом на огромные трибуны, забитые до отказа. Шум двадцати тысяч зрителей — гул голосов, музыка, щелчки затворов — давил на уши.

Джек сидел на перевернутом ведре в проходе. Он был одет в белую выездковую рубашку и бриджи Кейт. Выглядел он как призрак. За последние сутки он принял двойную дозу обезболивающего, но спина все равно пульсировала раскаленным железом.

— Ты не обязан это делать, — в сотый раз сказала Кейт. Она затягивала ремни на ее сапогах. — Ты можешь просто стоять у бортика.

— Если я буду стоять у бортика, ты снова зажмешься, — Джек поднял на нее глаза. В них была серая усталость, но страха больше не было. — Я сяду. Только чтобы провести тебя через приветствие. Потом спрыгну. Обещаю.

Их выход был под номером 14. Перед ними выступал действующий чемпион Европы на вороной голландской лошади. Зал ревел.

Когда Кейт вывела Атласа на боевое поле, у нее перехватило дыхание. Под светом софитов шерсть жеребца казалась выкованной из черного серебра. Он был спокоен. Он доверял ей.

Они остановились у линии «С». Кейт отдала повод Джеку.

— Я буду считать, — сказал он, вставая на деревянную скамью у бортика, чтобы видеть каждое движение. Его пальцы коснулись ее голой икры — мимолетное, заземляющее прикосновение. — Выдохни.

Кейт послала Атласа вперед.

Начала с букле. Жеребец гнулся идеально, словно его позвоночник был сделан из ртути. Затем — серия переходов. Шаг — рысь — шаг. Настолько плавно, что казалось, будто лошадь не меняет аллюр, а просто меняет частоту дыхания.

Зал затих.

Джек стоял, вцепившись побелевшими пальцами в бортик. Он не просто смотрел. Он вел ее. Его губы беззвучно отсчитывали темп: «Раз-два, раз-два, держи плечо…»

Кейт вошла в пассаж. Это было сердце их программы. Высшая степень сбора, когда лошадь словно танцует на месте, продвигаясь вперед микроскопическими шагами. Атлас поднял диагональную пару ног так высоко, что, казалось, копыта сейчас коснутся его ноздрей. Движения были медленными, тяжеловесными, но абсолютно ритмичными.

— Идеально, — прошептал Джек, хотя его никто не слышал. — Умница.

Затем — пиаффе. Лошадь на месте. Трепет мышц, грация, абсолютный контроль.

Кейт чувствовала, как по спине течет пот, но это был не страх. Это было чистое, незамутненное счастье. Она слышала музыку в ударах копыт.

Они закончили программу финальным элементом — пируэтом на галопе. Атлас развернулся вокруг своей оси, не потеряв ни темпа, ни баланса.

Остановка. Приветствие.

Зал взорвался. Люди вскакивали с мест. Аплодисменты грохотали, как прибой.

Кейт сидела в седле, тяжело дыша, и улыбалась. Она плакала, не скрываясь.

Джек спрыгнул со скамьи. Его ноги подкосились. Он схватился за ограждение, пережидая приступ дурноты. Поясница взвыла, напоминая, что он — инвалид, который только что сорок минут простоял на ногах, работая зеркалом для чужой спины.

Кейт подъехала к нему.

— Мы сделали это, — выдохнула она.

— Мы, — он слабо усмехнулся, убирая мокрую прядь с ее лба. — Иди в раздевалку. Я приведу Атласа.

Когда она ушла, Джек положил лоб на шею жеребца. Атлас тихо фыркнул, обдавая его теплым паром.

— Вытащим, — пообещал Джек темноте. — Я знаю.

***

Церемония награждения проходила под «My Old Kentucky Home».

Кейт стояла на пьедестале. Бронзовая медаль тяжело холодила грудь. Первое место взяли немцы, второе — голландцы. «Ред-Стон» — третье.

Для ранчо, которое неделю назад собиралось идти с молотка, это была победа. Призовых денег и спонсорских контрактов хватит, чтобы перекрыть долг банку и купить новые тракторы.

Чарльз Уокер-младший стоял в VIP-ложе. Когда Кейт поднялась на пьедестал, он отвернулся. Ему нечего было предъявить. Ранчо «Ред-Стон» стало национальной гордостью.

Кейт спустилась с пьедестала. К ней бежали Так, Эрл и Роза.

— Где Джек? — спросила она, оглядываясь.

— Вон там, — Так кивнул в сторону медицинского шатра. — Он пытался сделать вид, что просто шнурок развязался. Но когда сел на скамью, позеленел. Роза его забрала.

Кейт бросила медаль Эрлу и побежала к шатру.

Джек лежал на каталке. Роза ставила ему капельницу. Лицо у него было белым, как мел, а вокруг губ залегла синеватая тень.

— Передозировка, — коротко бросила Роза, увидев Кейт. — Он смешал свои старые таблетки с тем, что купил здесь, чтобы доехать до финала. Плюс адреналин. Сердце не выдержало.

— Он будет в порядке? — голос Кейт сорвался.

— Если сейчас же поедет в клинику, — Роза защелкнула фиксатор каталки. — Я вызвала «Скорую».

Кейт схватила руку Джека. Она была ледяной.

— Не смей, — прошептала она. — Не смей уходить сейчас, когда мы только начали жить.

Джек с трудом разлепил веки. Его зрачки были огромными.

— Обойдешься… — прохрипел он. — Без меня… ты не завяжешь… развязный узел…

— Заткнись, — она поцеловала его в лоб. — Просто заткнись и дыши.

Сирена «Скорой» уже выла у входа в парк.

Кейт бежала рядом с каталкой, держа его за руку, пока врачи грузили его в машину. Она не отпустила его пальцы, даже когда двери закрылись.

— Везите, — скомандовала она водителю. — Я еду с вами.

Кейт вернулась на «Ред-Стон» через три дня.

Джек лежал в гостевой комнате их дома. Не в больнице — Роза, проклиная все на свете, вытащила его оттуда под свою ответственность, как только угроза инфаркта миновала.

Он смотрел в окно на горы. Спина была упакована в жесткий корсет.

— Третье место, — сказала Кейт, ставя на тумбочку стакан воды.

— Я знаю, — он слабо улыбнулся. — Слышал, как Эрл орал на весь дом.

— Нам предложили контракт с «Арена Групп». И еще один — с клиникой Майо. Они хотят изучать твою спину.

— Пусть изучают, — Джек повернул голову. — Как Атлас?

— Стоит в деннике. Жует сено. Он скучает по тебе.

— Я не сяду в седло, Кейт, — серьезно сказал он. — Мое место теперь на земле.

— Я знаю, — она села на край кровати. — Потому что твое место теперь в этом доме.

Она взяла его руку — все еще слабую, но теплую — и положила себе на живот.

— И не только в доме, — тихо добавила она. — Джек, у нас будет ребенок.

Он замер. Его глаза, только что мутные от лекарств, вдруг прояснились. Он смотрел на нее так, как смотрел на нее в манеже в первый раз — как на чудо, которое невозможно объездить.

— Ты уверена? — прошептал он.

— Абсолютно, — Кейт наклонилась и поцеловала его. — Добро пожаловать домой, мистер Райли.

За окном, в вечернем небе Монтаны, закричала перепелка. Жизнь продолжалась.

# Глава 10. Ред-Стон

Год спустя.

Осень в Монтане пахнет дымом, яблоками и свободой.

Ранчо «Ред-Стон» не узнать. На месте обветшалых сараев стоят новые, светлые конюшни из кедра. В левадах пасутся лошади — потомки Атласа, унаследовавшие его лебединую шею и невероятный, парящий шаг. Сам Атлас, теперь уже семилетний, стал племенным жеребцом. Он растолстел, обленился и проводит дни, грея старые кости на солнце, изредка снисходя до того, чтобы покатать на спине пятилетнего сына местного шерифа.

Кейт Морган-Райли стоит на гребне холма. На ней старые джинсы мужа, которые ей велики на два размера, и фланелевая рубашка. Живот под рубашкой уже снова округлился — их второй ребенок должен появиться весной.

Она держит в руках поводья. Под ней — молодая кобыла, дочь Атласа. Та самая, с белой звездой во лбу, которая родилась в ту ночь, когда Джек лежал в клинике, а Кейт плакала в мотеле под Лексингтоном.

— Рысью, милая, — тихо говорит Кейт.

Кобыла срывается в легкий, стелющийся галоп.

С другого склона холма ей навстречу спускается Джек.

Его спина все еще требует осторожности. Он больше не делает резких движений, не таскает мешки с кормом и никогда не спит на земле. Но он сидит в седле так, словно родился в нем. Его старая травма стала частью его баланса — он сидит глубже, мягче, читая лошадь не мышцами, а чем-то большим.

На нем их старое, потертое Western-седло.

Джек останавливает своего мерина в десяти футах от жены.

— Эрл звонил, — говорит он, щурясь от низкого осеннего солнца. — Уокеры выставили свое северное пастбище на торги. Никто не покупает. Говорят, земля проклята.

Кейт смеется. Смех у нее стал другим — в нем больше нет стального звона загнанного зверя, только теплый, глубокий колокольчик.

— Пусть проклинают. Нам их грязь не нужна. У нас своя есть.

Она подъезжает ближе. Их колени почти соприкасаются.

— Роза говорит, ты снова пытался поднять мешок с солью для ванн, — Кейт качает головой. — Я же просила.

— Он стоял не на месте, — ворчит Джек, но уголки его губ предательски ползут вверх. — Порядок на конюшне — это дисциплина.

— Дисциплина — это когда муж с двумя грыжами слушается жену, — она перегибается через седло и целует его. Вкус у него мятный, а щетина колется.

— Есть, мэм, — он отдает ей честь двумя пальцами.

Они стоят на гребне холма, глядя, как солнце опускается за пики гор, окрашивая небо в цвет расплавленного золота и крови. Внизу, в долине, зажигаются огни их дома.

— Думаешь, отец гордился бы? — вдруг спрашивает Кейт, глядя на восток, в сторону старого кладбища у подножия холма.

— Он бы отобрал у тебя эту кобылу, потому что она слишком горячая, — фыркает Джек. — А потом научил бы тебя делать на ней пиаффе. Он бы гордился, Кейт. Ты сдержала слово.

— Мы сдержали, — поправляет она.

Джек кивает. Он смотрит на жену, на их дом, на лошадей, на новую вывеску у въезда на ранчо: «Ред-Стон. Центр иппотерапии Джека и Кейт Райли».

— Поехали домой, — говорит он. — Ужин стынет. И Так обещал привезти племянника. Боюсь, этот парень уже пытается объездить Шнурка.

— Шнурок сам кого хочешь объездит, — Кейт разворачивает кобылу. — Поехали.

Они пускают лошадей шагом. Две фигуры в седлах, сливающиеся с пейзажем Монтаны. Скрип кожи, мерный стук копыт по утоптанной земле и тишина, которая больше не кажется оглушительной. Она кажется вечной.

Свет в окне дома горит теплым, желтым пятном, обещая тепло, ужин и объятия.

# Глава 11. Шнурок и яблоко

Осенний ветер гнал по выгоревшей траве желто-красные листья тополя. Кейт стояла на задней веранде, прижимая к груди корзину с только что собранными яблоками сорта «Гала». Внизу, в леваде для молодняка, происходило нечто возмутительное.

Шнурок, их рыжий одноглазый кот, которого Кейт считала настоящим моряком, явно возомнил себя племенным жеребцом. Он не просто гонял носок по коридору — он выбрал себе цель покрупнее.

Прямо посреди левады, задрав хвост трубой и распушив усы, Шнурок с боевым кличем, переходящим в ультразвук, атаковал копыто годовалого жеребчика Сильвера. Сильвер, ошалев от такой наглости, прыгал на месте, пытаясь стряхнуть с себя это орущее рыжее недоразумение, но кот вцепился намертво, используя когти как шпоры.

— Пират чертов, — пробормотала Кейт, улыбаясь.

— Не смей бросать фрукты в моего коня! — раздался голос снизу.

Джек вышел из-за угла амбара, неся на плече свернутый пожарный шланг. Корсет под его фланелевой рубашкой был почти незаметен, но походка выдавала его — он двигался плавно, перенося вес так, чтобы не тревожить поясницу.

— Я его воспитываю, — Кейт перегнулась через перила. — Сильвер должен знать, что в жизни бывают проблемы похуже, чем восемь секунд на спине Дьяболо. Например, рыжий кот на голени.

— Если этот морской волк повредит моему будущему чемпиону, я скормлю его печень Атласу, — Джек бросил шланг и подошел к ней. Он забрал у нее корзину. — Дай сюда. Ты на седьмом месяце. Тебе запрещено поднимать тяжести тяжелее ложки.

— Я подняла всего двадцать фунтов, — фыркнула Кейт, но позволила увести себя к старому креслу-качалке.

Джек поставил корзину на пол и уселся на ступеньку ниже, положив голову ей на колени. От него пахло деревом, мазью для спины и чем-то неуловимо родным.

— Звонил Так, — сказал он, щурясь на солнце. — Он задержится. У них там на базе какие-то учения, и полковник уперся рогом. Приедет только к родам.

— Он обещал назвать племянника в честь деда, если будет мальчик, — Кейт запустила пальцы в густые, чуть влажные от пота волосы мужа. — Моральными терзаниями он от армии не откосит.

— Он и не должен, — Джек потерся щекой о ее ладонь. — Он нашел себя. Я рад, что парень перестал смотреть на пустую стену.

Два года назад, когда они только вернулись из Кентукки, Так долго не мог спать. Ночные кошмары из Ростова и запах формалина преследовали его. Но работа на ранчо, тяжелые мешки и необходимость заботиться об Атласе сделали то, чего не смогла сделать психиатрия.

— Слышишь? — Кейт замерла.

Из дома доносился грохот и звон.

— Если твоя дочь решила, что старый фарфоровый чайник — это отличная мишень для бейсбольного мяча, я ее выселю в курятник, — проворчал Джек, но в его голосе не было злости.

— Это не бейсбол, — Кейт прислушалась. — Это пианино.

Сквозь какофонию звуков пробивалась мелодия. Неуверенная, с запинками, но узнаваемая. «К Элизе».

— Бетховен в исполнении разъяренного носорога, — прокомментировал Джек. — У нее талант.

— У нее переходный возраст, — вздохнула Кейт. — Вчера она заявила, что лошади — это скучно, от них пахнет, и она хочет сделать пирсинг в носу.

— Скажи ей, что если она сделает пирсинг, я заставлю ее чистить денник Шнурка без маски. Запах из лотка — лучшее средство от подросткового бунта.

Кейт рассмеялась. Смех перешел в икоту, когда ребенок внутри нее резко толкнулся пяткой прямо под ребра.

— Эй, полегче, футболист, — она накрыла живот ладонью. — Папа шутит.

— Он знает, что я не шучу про лоток, — Джек поднялся, опираясь на перила, и поцеловал ее в макушку. — Пойду заварю чай. Роза оставила нам свой фирменный сбор, от него ты перестаешь жаловаться, что у тебя отекают лодыжки.

Он ушел в дом. Кейт осталась сидеть в кресле, глядя на леваду.

Сильвер наконец стряхнул Шнурка. Кот приземлился на все четыре лапы, демонстративно облизал лапу, посмотрел на жеребца с презрением истинного хищника и гордо удалился в сторону кухни, явно надеясь, что запах чая означает скорое появление сливок.

Кейт смотрела на горизонт. Горы стояли вечные, равнодушные к человеческим страстям, долгам и медалям. «Ред-Стон» жил своей тихой, размеренной жизнью.

Из окна высунулась голова их дочери.

— Мам! — крикнула она. — Можно я возьму Шнурка на выставку в школу? Миссис Говард сказала, что принесет проектор, и мы будем показывать слайды о домашних животных. У него же морская биография!

— Только если он не принесет с собой чей-нибудь носок! — крикнула в ответ Кейт.

— Он обещал вести себя прилично! — отозвалась девочка и скрылась.

Кейт откинула голову на спинку кресла, подставив лицо теплому октябрьскому солнцу.

Вышел Джек с двумя кружками. Протянул ей одну.

— За что пьем? — спросила она, вдыхая аромат чабреца и меда.

— За то, что навоз больше не выгребают вилами, — ухмыльнулся он. — И за то, что ты сняла меня с того пьедестала.

— Я сняла лошадь, — поправила Кейт, делая глоток. — Ты сам слез.

— Без тебя я бы там умер, — просто сказал он. — В буквальном смысле.

Он чокнулся своей кружкой о ее.

Где-то в доме снова загрохотало — видимо, дочь все-таки нашла мяч. В леваде заржал Сильвер, требуя внимания. С кухни донеслось победное мяуканье — Шнурок добрался до сливок.

Кейт положила руку на свой округлый живот. Впереди была зима, долгие вечера у камина, вязание крючком, которое она забросила ради писательства, и, конечно, сама книга — история о женщине, которая не продала свою землю.

— Я люблю тебя, — сказала она.

— Я знаю, — Джек прижался к ее плечу своим. — Я тоже тебя люблю. И, Кейт…

— Мм?

— Если Атлас опять выплюнет лекарство, ты первая берешь ведро с ледяной водой. Моя спина больше не подписывалась на героизм.

— Договорились, — она поцеловала его в щеку. — Но только после того, как ты вымоешь лоток Шнурка.

Солнце медленно садилось за Скалистые горы, окрашивая небо над ранчо «Ред-Стон» в цвет чистой, ничем не замутненной победы.

# Глава 12. Запах сена и скрип кожи

Пахота на «Ред-Стон» начиналась не с будильника, а с того момента, как первый луч солнца пробивался сквозь щели в крыше амбара и падал на лицо.

Джек проснулся от того, что его левая нога онемела. Он свесил ее с узкой койки, и тысячи иголок впились в плоть. Четыре года назад он бы запаниковал, решив, что это начало конца, паралич, о котором предупреждали врачи. Сейчас он просто потер колено, разгоняя кровь, и прислушался к дому.

Снизу, с первого этажа, доносился ритмичный стук. Не молоток. Деревянная ложка била о край эмалированной миски. Кейт замешивала тесто. Джек закрыл глаза, вдыхая запах холодного утра. Он пах озоном, вчерашней грозой и чем-то сладким — корицей или яблоками.

Он встал. Движение отозвалось в пояснице привычным протестом. Джек подошел к единственному окну. Стекло было старым, волнистым, оно искажало мир, превращая горы в дрожащие миражи. Внизу, в тумане, стелющемся по лощине, двигались два силуэта. Кейт и Атлас.

Она водила его в руках. Без седла, без амуниции. Просто водила по росе, заставляя переступать через поваленное бревно. Джек видел, как напряжена ее спина. Она боялась. Боялась не за коня — жеребец ступал мягко, — она боялась за себя. Боялась того момента, когда ей придется снова доверить свой вес не земле, а живому, дышащему страху.

Джек натянул джинсы. Ткань была жесткой, вчерашней стирки, и пахла хозяйственным мылом. Он ненавидел этот запах с детства, когда мать пыталась вывести пятна мазута с одежды отца-механика, но здесь, на «Ред-Стон», этот запах означал чистоту. Означал, что у них есть вода, чтобы стирать, и силы, чтобы качать насос.

Он спустился по скрипучей лестнице. Дом просыпался. Скрипнула половица в комнате Така — брат ворочался во сне. Кейт не обернулась, когда он вошел на кухню. Она методично рубила яблоки тяжелым ножом.

— Я починил северный желоб, — сказал Джек, просто чтобы заполнить тишину. Она была густой, как сметана, и в ней вязли слова.

— Хорошо, — Кейт смахнула нарезанные яблоки в миску с тестом. — Эрл сказал, южные ворота перекосило.

— Я возьму домкрат после завтрака.

Кейт наконец повернулась. На ее щеке была мука. Она выглядела не как хозяйка ранчо, задолжавшая банку девяносто тысяч, а как девчонка, играющая в фермершу.

— Ты плохо спал, — сказала она. Это не было вопросом.

— Моя спина предпочитает горизонтальные поверхности, — он пожал плечами, подходя к кофеварке. — И вертикальные стены. Пол — это компромисс.

Она усмехнулась. Уголок ее губ дернулся, но улыбка не коснулась глаз.

— Не смей умирать на моих воротах, Райли. У нас нет страховки на похороны сотрудников.

— Учту, — он налил кофе в две щербатые кружки.

Они ели молча. Яблочный пирог, черный кофе. Стук вилок о тарелки казался оглушительным. Джек смотрел, как она ест. Быстро, не чувствуя вкуса. Она резала пирог на идеальные, ровные куски, словно пыталась упорядочить хаос, который творился у нее внутри.

— Ты его любишь? — спросил Джек.

Кейт замерла с вилкой в воздухе.

— Кого? Атласа?

— Ранчо. «Ред-Стон».

Она отложила вилку. Вытерла руки о полотенце. Подошла к окну, глядя на серый, промокший двор.

— Я ненавижу его, — тихо сказала она. — Ненавижу каждый дюйм этой грязи. Я ненавижу то, как он пахнет после дождя. Ненавижу, что он убил отца.

Джек не ответил. Он ждал.

— Но если я его продам, — продолжила Кейт, не оборачиваясь, — если я возьму деньги Уокеров… это будет означать, что отец умер зря. Что его кровь, которая впиталась в тот песок в Луисвилле, была просто ценой за плохой контракт. Я не могу. Я лучше буду жрать этот пирог из мороженых яблок и спать по три часа, но земля останется моей.

Она обернулась. В ее глазах не было слез. Была сталь. Та самая сталь, которая позволила ей выжить после Дьяболо.

— Поэтому ты здесь, Джек. Не потому, что тебе нужны деньги. А потому, что ты тоже ненавидишь проигрывать.

Джек допил кофе. Горечь обожгла горло.

— Я здесь потому, что ты печешь лучший яблочный пирог в Монтане, — сказал он, ставя кружку в раковину. — Иди буди Атласа. У нас сегодня много работы. Я не хочу чинить твои ворота в темноте.

Кейт фыркнула, смахивая с ресниц несуществующую соринку, и вышла.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.